

Н. П. СОКОЛОВ

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ДОЛЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ „НАСЛЕДСТВЕ“

События четвертого крестового похода отдали в руки венецианцев и крестоносцев большое византийское „наследство“. Оно состояло из веками накопленных богатств восточной столицы и обширных территорий Византийской империи. После апрельского разгрома Константинополя в 1204 г. западноевропейские захватчики поделили между собою награбленную добычу и столицу империи; в конце сентября или начале октября того же года они произвели раздел территорий Византии и в течение нескольких лет после этого были заняты реализацией своих „прав“, полученных при разделе империи. Венеции досталась львиная доля из движимой части „наследства“; она намеревалась также получить важнейшую часть его „недвижимости“ — территории Византии. Осуществить это намерение ей удалось только отчасти, тем не менее остается фактом, что в результате четвертого крестового похода и последовавших за ним событий в начале XIII в. фактически возникли две империи — Латинская и Венецианская. Возникновение этих двух империй было одним из наиболее крупных исторических событий XIII в. Этим обстоятельством в первую очередь определяется значение темы настоящей статьи.

1. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ИСТОЧНИКИ

Вопрос о венецианских приобретениях, сделанных в результате четвертого крестового похода, затрагивают в той или иной мере как авторы специальных сочинений по истории Венеции, Византии и крестовых походов, так и составители общих курсов по истории средневековья. Не ставя своею задачей дать хотя бы краткий обзор всей литературы, мы постараемся показать на некоторых сочинениях XIX и XX вв. отсутствие единства и правильности в трактовке этой проблемы и тем самым — обосновать уместность ее постановки (особенно вопроса относительно территориальных приобретений Венеции) в данной работе.

Основной ошибкой, которая часто допускалась и до сих пор допускается буржуазными историками, является отсутствие четкого разграничения между „теоретическими“ правами сторон, установленными при разделе византийского „наследства“, и степенью фактического осуществления этих прав. Это особенно заметно в сочинениях общего характера, авторы которых вынуждены касаться данного вопроса. Приведем некоторые примеры.

В работе В. Зомбарта „Современный капитализм“ венецианские приобретения представлены следующим образом: „В состав ее (Венеции) владений вошли земли Эпира, Акарнании, Этолии, Ионические острова, Пелопоннес, острова южной и западной части Архипелага, ряд городов по Дарданельскому проливу и Мраморному морю, города во внутренней Фракии, как Адрианополь и другие, Пера, предместья Константинополя, Кандия и вскоре после этого (крестового похода 1204 г. — *Н. С.*) важный Кипр“.¹ Здесь мы имеем грубое смешение формальных прав с фактическим положением дела, не говоря уже о полном пренебрежении к хронологии: ни Эпиром, ни Этолией, ни Акаранией, ни Ионическими островами, ни Пелопоннесом, кроме Корона и Модона, Венеция в XIII в. не владела, — она получила их только на бумаге; Кипром Венеция овладела не „вскоре после“ 1204 г., а спустя 285 лет; что касается Перы, то она вообще принадлежала не венецианцам, а генуэзцам.

Один из новейших буржуазных историков хозяйства Италии в средние века, А. Дорен, пишет: „Владения Венеции распространяются теперь (после четвертого крестового похода. — *Н. С.*) на материк Греции (Эпир, Акарнания, Этолия, весь Пелопоннес), на Ионические острова и некоторые острова Архипелага, на Крит, наконец, на некоторые города Дарданелл, Мраморного моря и Фракии, последние — с Адрианополем во главе“.² При этом А. Дорен считает возможным повторить старую легенду о том, что в Венеции серьезно якобы рассуждали о перенесении столицы империи на берега Босфора.

В этом же духе трактует вопрос Л. Альфан, по мнению которого венецианцы „сумели оставить за собой лучшие порты, острова, пункты, необходимые для остановки кораблей, ... — на Ионических островах, в Албании, в Эпире, на юге Пелопоннеса, на Крите, в Эвбее, в Архипелаге, во Фракии, в Дарданеллах и даже в самом Константинополе...“³

Современный историк итальянской торговли Ф. Карли считает, что Венеция „овладела доброй половиной империи (Византийской) и превратилась во владелицу всего морского побережья от Дубровника до Босфора, а не только Кандии, Корфу, Кефалонии, Занте, Пароса, Мелоса, Андроса, Миконоса, Сироса, Кеоса и Лемноса и, наконец, трех восьмых константинопольских кварталов“.⁴ При этом Ф. Карли имеет в виду не вообще владения Венеции, которыми она когда-либо распоряжалась, но именно те, которые республика св. Марка приобрела в результате четвертого крестового похода.

Такого рода высказывания можно было бы умножить.

В работах XIX в. мы встречаемся с еще более фантастической географией венецианских владений после четвертого крестового похода. Например, Б. Пужуля утверждает, что Венеция досталась „острова Пропонтиды и Черного моря“.⁵ П. Медовиков определяет владения венецианцев, доставшиеся им по разделу империи, следующим образом: „На долю венецианцев пришлось: Киклады, Спорады (впоследствии и остров Кандия), также острова и весь восточный берег Адриатического моря с Иллирией, Эпиром, остальной (?) частью Эллады и Мореею; далее Фракийский Херсонес, берега Пропонтиды до Селимврии, Черного моря до Месимврии, Архипелага до Пеллы и Верреи, несколько

¹ W. Sombart. Der moderne Kapitalismus, Bd. I. Münch.—Lpz., 1924, S. 435.

² A. Doren. Italienische Wirtschaftsgeschichte, Bd. I, Stuttgart, 1934, S. 318.

³ L. Halphen. L'essor de l'Europe, Paris, 1932, p. 280.

⁴ F. Carli. Storia del commercio italiano, vol. II, Padua, 1936, p. 190.

⁵ B. Poujoulat. Histoire de Constantinople, vol. I, Paris, 1853, p. 377, 378.

приморских городов в Фессалии (?), берега реки Гебра (?), Вардара (?), город Дидимотика и Адрианополь во Фракии; им определили и Сербию, хотя она никогда (?) не зависела от Византийской империи".¹ Это — сплошное нагромождение ошибок; некоторые из них трудно даже объяснить, — например, отнесение Дидимотики или территорий по Вардару к Венецианской доле: в акте о разделе *provincia Vardarii* и *Didymoteichon cum omnibus, quae sub ipsa*, прямо отнесены к доле крестоносцев.² Впрочем, к достоинствам диссертации П. Медовикова надо отнести отчетливое понимание того, что в данном им перечне владений Венеции имеются в виду не действительные ее владения, а перечисляются только территории, которые венецианцы намеревались захватить. К сожалению, П. Медовиков не сделал необходимых выводов из этого факта.

Более правильным путем шли те из историков, которые не только усматривали эту разницу, но и стремились установить географические пределы фактически сделанных венецианцами приобретений.

К таким исследователям относятся в первую очередь Г. Л. Тафель и Г. М. Томас,³ К. Гопф,⁴ В. Гейд,⁵ У. Миллер,⁶ Ш. Диль.⁷ Ошибки, или спорные утверждения этих авторов носят частный характер; мы остановимся на них в дальнейшем, при детальном рассмотрении вопроса по существу.

Значительная часть ошибок, неясностей и контrovers в области интересующей нас проблемы должна быть отнесена за счет несовершенства и недостаточности источников, находящихся в распоряжении историка.

Среди источников на первое место мы должны поставить четыре документа, непосредственно освещающих вопросы раздела завоеванной крестоносцами и Венецией части Византии. Мы имеем в виду: 1) договор о разделе добычи и территорий, которые собиралось захватить крестоносное ополчение; 2) проект договора о территориальном разделе Византийской империи между императором, венецианцами и крестоносцами; 3) „Подтверждение“ того и другого договоров преемником императора Балдуина и венецианским подеста восточных владений республики св. Марка; 4) договорную грамоту о покупке венецианцами острова Крита у Бонифация Монферратского.

Первый из названных документов, неоднократно опубликованный в различных изданиях,⁸ вполне ясен и охотно цитировался историками, начиная с Виллардуэна и кончая современными нам авторами. Дата составления документа обозначена в нем самом (март 1204 г.).

¹ П. Медовиков. Латинские императоры в Константинополе. М., 1849, стр. 29, 30.

² „Haec est de prima parte peregrinorum: Didymochium . . . de secunda parte: provincia Vardarii“ (F. Wilken. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. V, Beilagen, Leipzig, 1829, S. 6—7).

³ G. L. Tafel und G. M. Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. . . I Theil (814—1205), Wien, 1856, S. 452—501 (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta, v. XII). Ниже в сокращ. — FRADA.

⁴ K. Hopf. Geschichte Griechenlands im Mittelalter, Leipzig, 1868.

⁵ W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, Paris, 1885.

⁶ W. Miller. The latins in the Levant, London, 1908.

⁷ C. Diehl. The Fourth Crusade and the Latin empire („Cambridge Medieval history“, v. IV, Cambridge, 1923, p. 415—431).

⁸ См. Andreae Danduli Chronicon, lib. X, cap. 3, *Rerum Italicarum Scriptores* (Muratori, SS), vol. XII, col. 326. J. P. Migne. *Patrologia latina*, t. CCXIV; J. Villehardouin. *La conquête de Constantinople*, ed. Paulin de Paris, Paris, 1838, Notes, p. 290 ss.; *Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta* (FRADA), vol. XII, p. 446 ss.

Договор, таким образом, был заключен за несколько недель до последнего штурма Константинополя крестоносцами.

Совершенно иначе обстоит дело со вторым документом, который мы называли проектом договора о разделе Византии.

Этот документ¹ содержит более ста различных географических названий, представляющих собой латинизированные греческие наименования провинций империи, ее городов, замков, имений греческой знати и императорской фамилии, а также — церквей и монастырей. Искажение переписчиками этих названий привело не только к большому числу разночтений в рукописях документа, но во многих случаях ставит исследователя в тупик и затрудняет чтение документа в целом. Еще Э. Гиббон писал: „В договоре о разделе большинство названий извращено переписчиками“. ² Несколько позднее П. Дарю, поместив отрывок из документа, касающегося Венеции, в своей „Истории Венецианской республики“, заметил также, что очень много географических названий не может быть отнесено к определенным пунктам. ³ О „малой определенности“ рассматриваемого документа говорит и О. Лоньон, один из составителей большого исторического атласа Ф. Шрадера. ⁴ Эта „неопределенность“ была причиной того, что историки очень редко пользовались названным документом. Развернутое и критическое его рассмотрение мы находим в сущности только у Г. А. Тафеля и Г. М. Томаса; их выводы (в частности, отнесение к венецианской доле Кикладских и Спорадских островов) и определили их взгляды на интерпретацию этого договора, которых придерживается большинство буржуазных исследователей.

Дата составления документа в нем самом не указана, — отсюда отсутствие единства в его датировке. Правильным нужно признать взгляд, согласно которому акт о разделе был составлен в конце сентября или начале октября 1204 г. Это вытекает из данных, которые мы находим у Виллардуэна. Рассказав о ссоре Бонифация Монферратского с Балдуином и об их примирении (при усердном посредничестве Эрико Дандоло и самого Виллардуэна), хронист пишет: „Император Балдуин находился в Константинополе (после его похода на Солунь. — Н. С.), и страна была в мире и безопасности... Тогда начали раздел земель...“ ⁵ Тот же автор несколько выше указывает, что Бонифаций вступил во владение Солунью тотчас же после примирения с Балдуином, в конце сентября. ⁶ Сопоставление этих данных и позволяет датировать документ концом сентября — началом октября 1204 г.

Третьим из названных документов является соглашение между Генрихом Фландрским, вторым императором Латинской империи, и Марино Цено, первым венецианским подеста в Константинополе. В нем подтверждались основные пункты мартовского договора 1204 г. (поскольку ими затрагивались венецианские интересы), а также — территориальный раздел империи и венецианские привилегии на Востоке; кроме того,

¹ Издания: Ramnusius. De bello Constantinopolitano, lib. V, Venetiis, 1624, p. 159—168; Muratori, SS, v. XII, col. 328 ss.; F. Wilken. Ук. соч., т. V, Beilagen, стр. 3—8; FRADA, p. 452—501; G. Finley. History of Byzantine and Greek empires, vol. II, London, 1854, p. 329 ss.

² Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи, т. VII, М., 1888, стр. 4.

³ P. Daru. Histoire de la république de Venise, vol. I, Paris, 1819, p. 304.

⁴ F. Schrader. Atlas de géographie historique. Paris, 1911, pl. 24 (Croisades).

⁵ J. Villehardouin. Ук. соч., ук. изд., стр. 126.

⁶ Там же, стр. 125: „Et si avoit ja tant de temps, qu'il estoit à lissue de septembre“...

здесь уточнялись феодальные повинности сеньоров в отношении верховного сюзерена Латинской империи.

Общий характер этого документа,¹ в котором особенно подчеркиваются территориальные и иные права венецианцев, не оставляет сомнения в том, что он был составлен по инициативе правителей республики св. Марка. Это доказывается также и тем, что Венеция в лице своих подеста неизменно добивалась подтверждения документа у всех преемников Генриха.²

Датой „Подтверждения“ следует признать конец 1205 или начало 1206 г. Это явствует из того, что Генрих именуется еще не императором Латинской империи, а только братом императора.

Четвертым документом, представляющим большую важность для установления территориальных приобретений Венеции после четвертого крестового похода, является акт о покупке республикой св. Марка у маркиза Бонифация Монферратского острова Крита. Акт³ был составлен 12 августа 1204 г., под Адрианополем, в момент обострения взаимоотношений между Бонифацием и Балдуином. Вероятно, этим объясняется то обстоятельство, что Бонифаций обосновывает свои „права“ на остров Крит ссылкой на... „обещания“ императора Алексея, сына Исаака Ангела,⁴ не упоминая ни о своих феодальных связях с Балдуином, ни того, что он, Бонифаций, был забаллотирован при выборах императора.⁵ (Мнение Муратори, утверждающего, что договор был составлен в 1205 г.,⁶ должно быть признано несостоятельным, так как в акте о разделе империи, составленном во всяком случае в 1204 г., уже не фигурируют ни остров Крит, ни Солунь, а Месинополь, вошедший в состав Солунского королевства Бонифация Монферратского, считается еще венецианским).

Таковы основные документальные источники по интересующему нас вопросу. Они отличаются всеми присущими официальным документам достоинствами и недостатками: формулируя более или менее полно и ясно юридическую сторону дела, они в то же время ничего не говорят о фактическом положении вещей, тогда как именно факты в данном случае интересуют историка больше, чем намерения, пожелания и чаяния.

В этом отношении гораздо большую ценность имеют источники описательного характера, которые дают представление как раз о фактической стороне событий. К сожалению, средневековые анналисты и историки не всегда интересовались теми фактами, которые привлекают внимание современного историка. В источниках повествовательного характера мы находим только отрывочные и случайные сведения относительно действительных владений участников раздела империи, в том числе и венецианцев. Необходимые данные приходится собирать по крохам, не имея полной уверенности в том, что собрано все, отно-

¹ Воспроизведен в тех же изданиях, что и первые два договора, охарактеризованные выше.

² Ф. И. Успенский (История Византийской империи, т. III, М. — Л., 1948, стр. 430 и сл.), придавая этому документу, который он называет договором 1205 г., очень большое значение, ошибочно считает его составленным по инициативе императора.

³ Издания: Ramnusius. Ук. соч., стр. 168—170; Muratori, SS, v. XII, col. 553 ss; FRADA, v. XII, p. 513, 514.

⁴ „Insula Cretae, quae mihi data vel promissa vel concessa fuit per Alexium Imperatorem filium Isachii, quondam defuncti Imperatoris...“ (FRADA, v. XII, p. 514).

⁵ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 84.

⁶ Muratori. Annali d'Italia, v. X, Milano, 1819, p. 657.

сящееся к делу. Думается, что преувеличенные представления многих историков XIX и XX вв. о венецианских приобретениях после 1204 г. отчасти тем и объясняются, что буржуазные исследователи предпочитали писать на основе компактного, хотя и очень ограниченного по своему значению источника, вместо того, чтобы пытаться методом скрупулезных изысканий установить действительное положение дела.

По занимающему нас вопросу (или смежным с ним) современниками было написано довольно много: писали и византийцы, и венецианцы, и участники крестового похода — французы и немцы. Большинство этих сочинений может так или иначе служить нашим целям; мы назовем здесь лишь важнейшие из источников этого рода.

Из византийцев на первом месте должны быть поставлены Никита Хониат¹ и Георгий Акрополит.² Сочинения первого важны как для характеристики захватнических планов крестоносцев и венецианцев, так и для суждения о реализации этих планов, „Летопись великого логофета“ второго — преимущественно для истории фактического становления обеих империй (Латинской и Венецианской).

Из венецианских источников наибольшее значение имеют сочинения Андрея Дандоло и Лоренцо да Моначи.³ Хроника последнего, в частности, является незаменимым источником для уяснения некоторых вопросов, относящихся к судьбам островного мира Архипелага и острова Крита после четвертого крестового похода.

Из сочинений участников четвертого крестового похода на первом месте должна быть поставлена „История завоевания Константинополя“ Виллардуэна.⁴ Мы не можем вдаваться здесь в оценку его труда, но должны сказать, что некоторые географические названия акта о разделе империи могут быть географически ориентированы только на основании этой работы. Выше уже было отмечено, что даже датировка одного из важнейших наших юридических актов может быть установлена лишь на основании данных Виллардуэна.

Многочисленные сочинения других участников крестового похода или лиц, к ним близких, например, труд Робера де Клари,⁵ или произведения различных авторов, собранные в известном издании П. Риана,⁶ представляют ценность преимущественно для решения вопроса о разделе добычи, награбленной крестоносцами в Константинополе.

Некоторое значение для выяснения основного вопроса настоящей работы имеет хроника Эрнуля, одного из продолжателей Вильгельма Тирского.⁷ Источник этот — сирийского происхождения; автор его враждебно настроен по отношению к венецианцам, которых в Сирии не без основания считали главными виновниками того, что крестоносцы в 1202 г. направились не в Египет и не в Сирию, а сначала под Задар, а потом — к Константинополю.

Таковы основные источники повествовательного характера.

Ознакомившись с обеими группами важнейших источников, мы можем приступить к разработке отдельных вопросов нашей темы. Задача наша заключается в том, чтобы, рассмотрев мартовский договор 1204 г.

¹ Nicetae Choniatae Historia, ed. Bonn, 1835.

² Georgii Acropolitae Annales, ed. Bonn, 1837.

³ Andreae Danduli Chronicon, ed. cit.; Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus Venetorum, ed. F. Cornero, Venetiis, 1758.

⁴ J. Villehardouin. La conquête de Constantinople.

⁵ Robert de Clari. La prise de Constantinople, ed. C. Hopf („Chroniques gréco-romanes“, Berlin, 1873).

⁶ P. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae, Genevae, MDCCCLXXVII.

⁷ D'Ernoult et Bernard le Tresorier. Chronique, Paris, 1871.

и трактат о разделе империи, попытаться выяснить, каким образом и в какой мере тот и другой были реализованы, претворены в жизнь.

2. МАРТОВСКИЙ ДОГОВОР 1204 г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Ближайшим результатом разгрома крестоносцами Константинополя было образование Латинской империи. Трудно сказать, когда созрела мысль о захвате Византийской империи в головах вождей крестоносного войска, — источники не дают нам на этот вопрос прямого ответа. Можно только предполагать, что это произошло не ранее гибели династии Ангелов. Как ни были широки планы крестоносцев и особенно венецианцев в самом начале похода на Константинополь, они все-таки едва ли шли далее получения новых привилегий и новых опорных торговых пунктов для венецианцев, нескольких ленов — для вождей крестоносного войска и богатой добычи — для всех участников восточного предприятия. Гибель династии, полное равнодушие провинций к событиям в столице, изолированное положение знати и бюрократии в осажденном городе, малая боеспособность гарнизона (в чем крестоносцы убедились еще во время первого штурма Константинополя) — все это толкнуло Дандоло, Бонифация и других вождей крестоносцев на более смелые „дерзания“. Во всяком случае надо считать, что к марту 1204 г. план создания новой империи созрел окончательно.

Основателям ее не нужно было отличаться особенным политическим глубокомыслием: „схема“ нового государства была готова, — это было Иерусалимское королевство; „схему“ эту надо было только несколько видоизменить в соответствии с конкретными условиями создания новой империи. Основы этой империи, доля участия в ней партнеров по грабежу были определены в мартовском договоре 1204 г., разработка которого явилась своего рода дипломатической подготовкой создания на Востоке еще одного феодального государства крестоносцев.

Статьи этого договора касаются четырех основных вопросов — о венецианских привилегиях в пределах бывшей Византийской империи, о разделе добычи, которую крестоносцы рассчитывали захватить в столице, об участии в организации управления и доле во власти, наконец, о территориальных правах участников похода.

Для венецианцев на первом плане стоял вопрос об их торговых привилегиях на территории империи. Они хотели сохранить их и приумножить. Этой цели должен был служить специальный пункт, введенный в договор и гласивший: „За нами (венецианцами) должны быть сохранены все преимущества и владения, которыми мы пользовались с давних пор (*quos habere consueveramus*)... и все интересы и права, как обеспеченные писанными документами, так и без таковых...“¹ Последняя формулировка — „*sine scripto*“ — открывала венецианцам, которые стремились занять исключительное положение в экономической жизни империи, широкий простор для самых разнообразных домогательств.

Договариваясь о разделе добычи, венецианцы постарались обеспечить за собой львиную ее часть: из массы захваченных ценностей им (венецианцам) и крестоносцам должна была быть прежде всего оплачена задолженность (во всех ее видах) по обязательствам императора Алексея IV, а остальное должно было быть поделено поровну. По предварительным соображениям венецианских финансистов венецианцы

¹ FRADA, v. XII, p. 446.

в результате такого деления получили бы три четверти всей добычи, тогда как на долю крестоносцев могла прийти только одна четверть. Именно это соотношение и было записано в договоре.¹

Новая империя должна была получить выборного императора. Венецианцы, несомненно, с самого же начала решили отклонить от себя обременительную честь занятия этого ответственного поста, с которым была связана забота об обороне империи, зато они пожелали заполучить в свои руки нити церковного управления, которое никогда не было убыточным и к тому же открывало широкие возможности разнообразного влияния не только на духовные, но и на светские дела, — венецианцы во всяком случае надеялись на это. Они позаботились поэтому оговорить, что та из сторон, из среды которой не будет выбран император, получает пост константинопольского патриарха.² Избирательная комиссия, по договору, составлялась таким образом, что венецианцы с уверенностью могли рассчитывать на то, что на императорский трон будет избран угодный им кандидат. Комиссия должна была состоять из 12 членов, по шести представителей от каждой стороны — от венецианцев и крестоносцев. Имея в своем распоряжении половину голосов, легко было привлечь еще несколько человек из числа остальных шести членов комиссии, представлявших в ней интересы крестоносцев (согласно условиям договора кандидату на императорский трон достаточно было получить для избрания простое большинство голосов; в случае, если голоса выборщиков делились поровну, дело должен был решить жребий).³

Вопрос о территориальных правах участников похода был разрешен таким образом: император должен был получить одну четверть территории империи, остальные три четверти подлежали разделу между крестоносцами и венецианцами поровну. Так родился знаменитый титул дожей — „владыка четверти и полчетверти Византийской империи“. Этот принцип раздела распространялся также и на столицу (при этом к доле императора были отнесены дворцы Влахернский и Вукелеон).⁴

Все участники раздела должны были принести за свои владения ленную присягу императору — империя мыслилась как единое феодальное целое. Однако эта идея уже в самом договоре „компрометировалась“ оговоркой: от обязанности ленной присяги освобождался венецианский дож. Правда, этот пункт смягчался дополнительной оговоркой, согласно которой свобода от ленной присяги распространялась только на самого дожа, но не на тех лиц, которым ему заблагорассудилось бы уступить свои владения.⁵ Это условие венецианцы, несомненно,

¹ Толкование текста этого пункта договора представляет известные трудности, хотя он и легко переводится на русский язык. Этот пункт гласит следующее: „De quo tamen habere nobis et omnibus Venetis tres partes debent solvi, pro illo habere, quod Alexius, quondam Imperator, nobis et vobis solvere tenebatur, quartam vero partem vobis retinere debetis, donec fuerimus in ipsa solutione coaequales. . .“ (FRADA, v. XII, p. 446). Наше толкование основывается на том соображении, что задолженность Алексея венецианцам была гораздо более значительной, чем крестоносцам (так как венецианцы согласились prolongировать срок службы своего флота еще на один год за очень большую плату). Естественно, что они в первую очередь и должны были хлопотать о покрытии этой задолженности, а возможный избыток — разделить пополам — в соответствии с договором, заключенным еще в Венеции.

² FRADA, v. XII, p. 447.

³ Там же, стр. 446, 447.

⁴ Там же, стр. 447.

⁵ Там же, стр. 448. Встречающееся иногда утверждение о том, что венецианцы не были обязаны ленной присягой императору (см., например, A. Luchaire. Innocent III. La question d'Orient, Paris, 1911, p. 211, 212), лишено оснований.

приняли с твердым намерением никогда его не выполнять, что они в дальнейшем и делали.

Таким образом, по вопросу о территориальном разделе была принята только общая, принципиальная установка. Детали раздела должны были быть определены позднее, когда новая империя была бы уже не проектом, а совершившимся фактом. Эту работу должна была провести комиссия из 24 членов, избранных также на паритетных началах.¹ Исключение составляла доля забаллотированного кандидата на императорский трон: он должен был получить малоазиатские провинции и остров Крит.²

Таков был план основания новой империи. Легко видеть, что договор лил воду главным образом на венецианскую мельницу. Торговые привилегии в таком объеме получали только венецианцы. Им должна была принадлежать львиная доля награбленной добычи. В сфере организации управления империей они сохранили за собою, как им казалось, важный по своему политическому значению и доходный пост константинопольского патриарха. В воображении венецианских политиков, возможно, возникал образ некоего восточного папы, которого они будут держать в своих руках. Правда, в этом отношении венецианцев ожидали горькие разочарования, но это стало ясным только значительно позднее. План предстоявшего раздела империи также обеспечивал в первую очередь венецианские интересы. Будучи прекрасно осведомлены о действительной географической „протяженности“ Византийской империи, зная экономику отдельных ее районов и областей, учитывая значение отдельных городов и портов Византии, венецианцы надеялись при предстоящем детальном разделе использовать невежество „крестоносцы болванов“ и выкроить себе самые лучшие части византийского территориального „наследства“. Наконец, мысль о том, чтобы поставить дожа в особые условия по отношению к императору, мысль о превращении своих владений в экстерриториальные районы внутри новой империи, о слиянии их в одно целое с остальными венецианскими владениями и сферами влияния открывала перспективу создания собственной колониальной империи.

С точки зрения венецианских интересов план был хорош. Дело было за его реализацией.

Первым практическим вопросом, вставшим перед захватчиками тотчас после взятия Константинополя, был вопрос о разделе добычи. Крестоносцы грабили город несколько дней, — по меньшей мере, с 13 по 15 апреля. Прелаты, высокие бароны, венецианская знать, клирики, рыцари и солдаты соперничали друг перед другом в разгроме восточной столицы. „Такой огромной и знатной добычи, — рассказывает Робер

¹ FRADA, v. XII, p. 447.

² J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 84. По свидетельству Виллардуэна, это решение было принято в связи с предстоявшими выборами. В тексте мартовского договора такого пункта нет. W. Miller (ук. соч., стр. 27) и некоторые другие исследователи предлагали читать это место у Виллардуэна не как *isle de Crete*, а как *isle de Grece*. В качестве основания для такой корректуры приводилось то соображение, что позднее сам Бонифаций выводил свои „права“ на Крит из обещаний и уступок Алексея, будто бы сделанных ему последним. Нам думается, что сторонники этого взгляда неправы. Если бы Бонифацию действительно предназначался не Крит, а Пелопоннес, то совершенно непонятно, как могли согласиться венецианцы (по разделу) включить Пелопоннес в состав своих владений, коль скоро он уже принадлежал Бонифацию. Мы указали выше на те мотивы, которые заставили Бонифация обосновывать свои „права“ на остров Крит ссылкой на фантастические обещания Алексея; венецианцам же этот вопрос был безразличен. Из всего этого следует, что текст Виллардуэна в этом месте должен быть сохранен в его обычном чтении.

де Клари, — не было захвачено ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до этих событий, ни после них“.¹ Крестоносцы не щадили ни церквей, ни находившихся в них предметов религиозного поклонения. Анонимный каноник Лангского капитула рассказывает, как они разбивали „раки, в которых покоились мощи святых“, захватывали золото, серебро и драгоценные камни, а „сами мощи ставили ни во что“.² Новгородский летописец также отметил: „... Иные церкви въ градѣ и вънѣ града, и монастыри въ градѣ и вънѣ града, пограбиаша все, имѣ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати“.³ Вместо „организованного“ ограбления города, которое предусматривалось договором, возникли тенденции к беспорядочному, индивидуальному расхищению богатств.⁴ Потребовались суровые меры, чтобы предотвратить развитие этих тенденций и заставить крестоносных грабителей сносить награбленное в специально отведенные для этого помещения („Всю добычу нашу мы снесли в одно место и ею наполнили три огромных башни“⁵).

Конечно, далеко не все, что было награблено, поступило в общий фонд раздела, но и то, что удалось собрать, поражало своим богатством жадную толпу западноевропейских захватчиков. Трудно оценить размеры этой добычи. Наши источники определяют долю, полученную каждым пехотинцем, в 5 марок, клириком, щитоносцем — в 10 марок, рыцарем — в 20 марок.⁶ Венецианцы будто бы предлагали крестоносцам за их долю в добыче 400 тыс. марок, или более полутора миллионов византийских золотых.⁷

Раздел добычи происходил не без споров и затруднений. И это понятно: ведь приходилось делать оценку самым разнообразным предметам, многие из которых представляли собою уникальные вещи. Для „удобства“ раздела крестоносцы превратили в слитки множество художественных изделий, расхищенных в городе. Кое-что, впрочем, венецианцам (которые, разумеется, руководствовались при этом отнюдь не эстетическими соображениями) удалось сохранить в целости — такова, например, знаменитая квадрига константинопольского ипподрома, со времени захвата Константинополя и вплоть до наших дней украшающая площадь св. Марка в Венеции.

Богатства, полученные венецианцами, особенно подробно описаны Рамнузием, который истощил всю свою фантазию и едва ли не весь свой лексикон для обозначения разнообразных драгоценностей, которые составили добычу венецианцев.⁸ Вероятно, тут много измышлений, — автор писал в XVI в., — но несомненно, что венецианцы получили

¹ Robert de Clari. Ук. соч., стр. 64.

² Canonici anonymi Lingonensis Historia; P. Riant, Exuviae. . . , p. 28.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М. — Л., 1950, стр. 49.

⁴ Robert de Clari. Ук. соч., стр. 64, 65; D'Ernoult et Bernard le Trésorier. Ук. соч., стр. 374, 375. Последний источник, автор которого, как уже отмечалось, был враждебно настроен по отношению к венецианцам, нарочито подчеркивает, что пальма первенства в грабеже принадлежала этим последним: et cil qui plus emblerent, ce furent li venissiens, qui leportoient par nuit à lor nés (там же, стр. 375).

⁵ Devastatio Constantinopolitana, ed. C. H o p f („Chroniques gréco-romanes, Berlin, 1873), p. 92.

⁶ Devastatio Constantinopolitana, p. 92.

⁷ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 60. Стоимость марки анонимным автором Devastatio Constantinopolitana определена в 4 перпера (ук. соч., стр. 78), хроника Эрнуля (ук. соч., стр. 375) содержит еще более фантастические данные.

⁸ Ramnusius. Ук. соч., кн. III, стр. 129. Цитировано в кн. F. Wilken. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. V, S. 364, 365.

огромные ценности. Замечательно, что ранние венецианские источники избегают описаний страшного разгрома и грабежа, которые были учинены в византийской столице, и умалчивают о богатствах, которые республика вывезла из Константинополя (что не мешает им, впрочем, давать подробные отчеты о реликвиях, захваченных в Константинополе и привезенных в Венецию).¹

Этот раздел награбленных ценностей имел для Венеции в дальнейшем немаловажное значение. В руки венецианских купцов и ростовщиков попали огромные богатства, что способствовало дальнейшему росту венецианской торговли. „Торговый капитал, — говорит Маркс, — когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.“² Приведенные выше факты ярко иллюстрируют это положение Маркса.

3. РАЗДЕЛ ИМПЕРИИ

Вопрос об организации управления был разрешен в полном соответствии с намерениями венецианцев. На императорский трон был избран кандидат Венеции — Балдуин Фландрский. Интердикт, тяготевший над венецианцами со времени взятия Задара, был снят. Иннокентий III принял родившуюся империю под свое покровительство. Так как за Венецией было признано право назначить константинопольского патриарха, то венецианцы поспешили выдвинуть на этот пост своего соотечественника — Томаса Моросини. Избрание происходило заочно, так как Моросини находился в Венеции и, прежде чем получить паллий восточного патриарха от главы католической церкви, который мыслил теперь себя главой всего христианского мира, должен был пройти целый ряд ступеней священства, отделявших скромное звание иподиакона от сана патриарха: на это требовалось время. Основанная крестоносцами империя была поэтому пока без духовного главы, но она имела теперь своего императора и получила санкцию на свое существование со стороны „святого престола“. Пока все шло относительно гладко.

Надо было ожидать, что согласие покинет союзников, как только дело дойдет до раздела тех ценностей, которые в глазах феодалов, главных участников крестоносного предприятия, являлись основными, — ленов. Так оно и случилось.

Бонифаций, как забаллотированный кандидат в императоры, должен был бы получить малоазийские провинции и остров Крит. Провинции эти, несомненно, были богатейшими в империи, но в данное время они не могли быть „к услугам“ Бонифация, так как были заняты или турками, или греческими феодалами, сгруппировавшимися вокруг Феодора Ласкариса в Никее. Бонифаций, поняв, что заключил невыгодную сделку, поставил перед Балдуином вопрос об обмене азиатских провинций на Фессалию и Македонию с центром в Солуни; он добивался

¹ Andreae Danduli Chronicon, ed. cit., col. 331; Anonymi monachi S. Georgii Translatio corporis beatissimi Pauli martyris; P. Riant. Exuviae..., p. 145, 148; Petri Calo. Veneti ordinis predicatorum Translatio S. Johannis, там же, стр. 179, 180.

² К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 343—344.

также при этом получения титула короля. После некоторых колебаний Балдуин дал на это согласие.¹

Таким образом, вновь рожденная империя имела императора и короля, но состояла пока только из одной столицы. Империю надо было еще завоевать. Однако, когда император и король приступили к овладению византийским „наследством“, дело быстро дошло до разрыва между ними. Балдуин овладел Солунью, а Бонифаций начал осаду Адрианополя, где Балдуин уже поставил свой гарнизон. Энрико Дандоло, Людовику Блуасскому и Виллардуэну, оставшимся в Константинополе, удалось, правда, предотвратить дальнейшее развитие конфликта; но вместе с тем была оставлена и мысль о предварительном — до раздела — завоевании империи, мысль, которая, повидимому, сначала руководила деятельностью крестоносцев, не спешивших с детальным разделом византийского „наследства“. Теперь решено было разделить шкуру еще не убитого медведя.

Виллардуэн, рассказав о ликвидации конфликта, возникшего между Бонифацием и Балдуином, сообщает, что после этого начался раздел территории империи между участниками похода.²

Акт о разделе империи показывает, что участники его поставили свою задачей произвести раздел „по справедливости“. С этой целью империя была, повидимому, сначала разделена на три неравные части: первую, — считавшуюся, вероятно, более ценной, — составляли прилегающие к Константинополю земли во Фракии и северной Македонии;³ в состав второй входили остальные материковые земли в Европе и в Азии; в третью — острова Архипелага и Ионического моря. Каждый из трех участников раздела должен был получить долю в каждой из этих частей. В самом договоре различаются, впрочем, лишь первые две части, но внимательное рассмотрение показывает, что во второй части каждому участнику выделяются и острова.

В центре нашего внимания стоят венецианские владения; поэтому мы будем лишь попутно касаться вопроса о землях, предназначенных для императора и для остальных крестоносцев.

Доля венецианцев, как и других участников раздела, в соответствии с указанным принципом раздела, заключалась прежде всего во фракийских владениях, находившихся в непосредственной близости от столицы, затем — в материковых владениях в южной и западной частях Балканского полуострова и, наконец, — в некоторых островах Архипелага и Ионического моря. Венецианские владения всюду должны были быть перемешаны с владениями крестоносцев и императора; только в Ионическом море и по западному побережью Балкан ни император, ни крестоносцы не могли обеспечить себе владений.

При оценке компетентности членов комиссии в том вопросе, который им надлежало разрешить, а следовательно и при оценке „качества“ их работы, в исторической литературе давались самые противоречивые отзывы: они то изображались людьми, „хорошо знающими“ свое дело,⁴

¹ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 87: Li marchis de Monferrat Li (Bold,) requist qu'il li donast, en eschange de celle terre (la terre d'autre le bras) le royaume de Salenique. . . Assés en fut parlés en maintes manières. Mais toute voies fu la chose menée à tel fin que il emprères li otroia et li marchis l'en fist hommage. . .

² J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 64, 65.

³ Возможно, что выделение этих территорий было произведено в целях возложения обязанности обороны Константинополя на всех участников раздела (Ср. С. М а п р о н и. Storia della marina italiana, Lucca, 1899, p. 340).

⁴ Ф. И. Успенский. История крестовых походов. СПб., 1900, стр. 130.

то — как мало компетентными в нем, если не круглыми невеждами.¹ Последнее мнение опирается на свидетельство византийца Никиты Хониата, который заканчивает свое известие о разделе империи такими словами: „Таким образом подпали их дележу: счастливый, лежащий на реке Ниле город Александрия, Ливия, области, простирающиеся от Ливии до Гадеса, Парфия, Персия, восточная Иберия, Ассирия, Гиркания и все страны, которые омываются водами всех восточных рек...“² Нужно заметить, однако, что во всем этом нет ни слова правды, — ни одна из территорий, названных византийским историком, в договоре не упомянута.

Конечно, не следует преувеличивать степени компетентности членов комиссии, считать их знатоками порученного им дела, — но не все они были и круглыми невеждами: в этом отношении надо проводить резкое разграничение между венецианцами и крестоносцами. Представители республики св. Марка, несомненно, прекрасно разбирались в географии земель, подвергавшихся разделу. Они имели продолжительный опыт в деле заключения договоров с Византией в более раннее время, — в этих договорах были довольно „компетентно“ учтены все области Византийской империи. Этого никоим образом нельзя сказать о крестоносцах, географические познания которых, вероятно, были действительно таковы, что Никита Хониат имел все основания писать о них с такой злой иронией. Во всяком случае именно крестоносцы оказались „обладателями“ тех земель, которые надо было завоевать и которые ими никогда не были завоеваны, — таково большинство территорий в Малой Азии или островной мир в Эгейском море. Мы склонны допустить, что венецианская часть комиссии нарочито вела ее работу в таком направлении, чтобы, создавая видимость больших, но фактически не реальных приобретений крестоносцев, с тем большим успехом обеспечивать реальные венецианские интересы. По крайней мере венецианцам могло казаться, что они действуют именно таким образом; мы увидим, однако, далее, что они в этом сильно ошибались.

Перейдем теперь к рассмотрению самого акта о разделе империи; этот документ, несмотря на все свои „недостатки“ (мы говорили о них выше), позволяет все же правильно — в основных чертах — определить притязания венецианцев на свою долю в византийском „наследстве“, — хотя, разумеется, до конца верное истолкование этого источника едва ли станет когда-либо возможным, разве только будут найдены новые, более совершенные рукописные варианты этого договора. Для удобства мы будем ниже вести рассмотрение акта о разделе империи по районам.

Район Фракии. Здесь венецианцы выговорили себе города: Адрианополь, Аркадиополь, Бургарофль и замок Кортакопль с примыкающими к ним территориями.

Название первого из этих городов не вызывает никаких сомнений. Его отнесение (по разделу) к венецианской доле подтверждается данными других источников — Виллардуэна, Эрнуля и т. д.³ Под Аркадиополем, или просто Кардиополем, разумеется современный Люле Бургас. Принадлежность его по акту о разделе венецианцам подтверждается Виллардуэном.⁴ Бургарофль в акте назван *Bulgarifigo*. О нем

¹ P. Daru. Ук. соч., т. I, стр. 303.

² Nicetae Choniatae Historia, p. 787.

³ D'Ernoul. Ук. соч., стр. 378: La cités d'Adrenoples estoit des Venissiens, qu'ele estoit... à lor parti...

⁴ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 153: Li Veniciens garnirent... Caridioplo...

упоминает Анна Комнина, помещающая его около Никицы (соответствует современной Хавса на речке того же наименования). О Кортакопле также упоминает Виллардуэн,¹ но местоположение этого пункта может быть определено по данным французского историка только приблизительно, на основе следующих соображений. Летом 1205 г. Генрих, брат Балдуина, спешивший на помощь последнему из Азии, перешел через Геллеспонт в районе Галлиполи и направился под Адрианополь; по дороге он узнал, что войска императора разгромлены, и венецианцы бежали в Родосто. Тогда Генрих меняет маршрут: вместо Адрианополя он двигается на Родосто и останавливается на ночлег в Кортакопле (*se herberja à un casal qui Cortacople est appelez*).² Кортакопль находился на расстоянии одного дня пути от Родосто. Следовательно, с большой вероятностью Кортакопль может быть помещен на 35—30 километров к северо-западу от Родосто. Примерно так же определяют его положение Г. А. Тафель и Г. М. Томас.³ Территория всех этих городов образует довольно широкую полосу в центре Фракии, простираясь от верховьев Марицы и ее притоков к Мраморному морю.

Район Мраморного моря и Геллеспонта. На побережье Пропонтиды полоса венецианских владений захватывает все пространство от Селимврии до южной оконечности Галлиполийского полуострова. Здесь Венеция особенно заботливо оговорила свои территориальные притязания, перечислив в договоре даже незначительные пункты побережья, с обязательным указанием на „земли к ним тяготеющие“ (*pertinentia*). Таким образом, здесь названы: Гераклея, Родосто, Панизо, Ганос, Пактия, Галлиполи и Мадита. В связи с Мадитой и Галлиполи в договоре упоминается также и Эгоспотамос. Отнесение к доле венецианцев Родосто, Гераклеи, Мадиты и Галлиполи подтверждается и другими источниками.⁴

Мы считаем, что упоминание в связи с этим в договоре о Халкидике, да еще „с городом Родосто“ — плод недоразумения. В варианте договора, приведенном в хронике Андрея Дандоло, это наименование вовсе не встречается. Точно так же нельзя под *Nicodemi* понимать Никомедию, как это иногда делается,⁵ и не только потому, что в одном из вариантов акта на месте *Nicodemi* стоит *Meodimi*, но также и потому, что в акте далее прямо указано, что *provincia Nicomediae* относится „ко второй части владений императора“, который и инфео-дировал позднее этот город одному из своих вассалов.

В этой же связи в нашем документе названы разные *casalia*, такие, например, как Керисия, Мириофит и др.⁶ Термин „*casalia*“ показывает, что под этими пунктами разумеются различные поместья на побережье Пропонтиды, между названными выше торговыми городами.

На противоположном берегу Пропонтиды — в Малой Азии венецианцы получили Лампсак (впрочем, в тексте акта трудно отыскать соответствующее географическое наименование, если только не связывать с Лампсаком загадочных *Lazu et Lactu*).

¹ J. Villehardouin. Ук. соч., гл. 201, 202.

² Там же.

³ FRADA, у. XII, p. 466: *Locus prope Rodostum quaerendus...*

⁴ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 138, 137, 127; D'Ernoul. Ук. соч., стр. 385: *Une cité sur mer qui estoit de Veniciens et a un nom Rodestohe*; Georgii Acrepolitae *Annales*, ed. cit., p. 39: *Πορθῶν τε τὸ τῶν Μαιούτων ἔστιν καὶ τὴν Καλῶν πόλιν καὶ τὰ παραγιάλια πάντα τοῖς Ἰταλοῖς ὑπόφορα ὄντα*.

⁵ См., например, P. Daru. Ук. соч., стр. 307.

⁶ *Casalia Chotriki, Kerisia, Miriofitum...*, *casalia de Raubatis et Examili*.

Таким образом, в результате раздела в руках Венеции должны были оказаться проливы, ведущие из Эгейского моря в Мраморное и Черное: обладание Лампсаком и Галлиполи позволяло контролировать Дарданеллы, а наличие базы в Константинополе — Босфор.

Район островов Эгеиды. Крупнейший из островов этого района — Эвбея, или Негропонт, принадлежал венецианцам. В нашем источнике остров выступает в географических наименованиях двух его крайних точек, северной и южной, — городов Ореоса и Каристоса. Затем названы острова Андрос, Эгина и Саламин, последний — под новым названием, которое встречается уже у Птолемея, — *Κουλούρι*.¹ Этим, собственно, и ограничиваются владения венецианцев в Эгейском море, выговоренные ими для себя по акту о разделе империи.

Тем не менее широко распространенным является мнение, что венецианцы при разделе империи получили также Наксос и вообще все Киклады, к которым исследователи охотно присоединяют также и Спорады. Эту точку зрения „обосновывали“ в свое время Г. М. Томас и Г. Л. Тафель; их гипотеза потом была принята В. Гейдом² и прочно утвердилась в исторической литературе. Между тем дело обстоит вовсе не так.

Г. Л. Тафель и Г. М. Томас усматривали Наксос в *Canisia* (или, по другому чтению, — *Nisia*), однако для этого нет достаточных оснований, так как *Canisia* в тексте договора находится среди географических наименований Ионического моря и западного побережья Балканского полуострова, а не там, где речь идет об Андросе и других островах Эгеиды. Что касается Киклад, то названные выше немецкие историки выводят их из *Conchilari*, предлагая читать „*cum Cycladibus*“; произвольность таких интерпретаций очевидна. Но этого мало: в нашем документе совершенно ясно сказано, что по акту о разделе Киклады были отданы крестоносцам.³ Киклады названы в акте Додеканисом. Относительно значения этого наименования в начале XIII в. легко судить по данным Морейской хроники. В этой хронике, написанной, как известно, греческими стихами, мы читаем:

Πρωτον τὸν ἰδεῖ ὁ βασιλεὺς διὰ δωρεάν καὶ προῖκα
 „Ὀλὴν τὴν Δωδεκάνησον τὴν κρατὴ ἀπάντου...“

Издатель Морейской хроники Бюшон поясняет, что речь идет об островах Паросе, Аморгосе, Делосе, Тиносе, Миконосе, Сиросе, Сифносе, Андросе, Наксосе и Серифосе и указывает, что такое общее название Киклад встречается уже у Страбона.⁴ Идентичность Додеканиса с Кикладами признают даже некоторые историки, придерживающиеся по данному вопросу взгляда, противоположного тому, который мы отстаиваем.⁵ Ошибка Г. Л. Тафеля и Г. М. Томаса, отождествлявших *Conchilari* с Кикладами, состояла в том, что они совершенно выпустили из виду *Dodecanisus* рассматриваемого источника.

Лоренцо да Моначи, прекрасно осведомленный в венецианских колониальных делах, прямо называет острова — в момент занятия их венецианскими конкистадорами — „ничьими“.⁶ В его хронике мы нигде не встретим указания на то, что острова Эгеиды принадлежали Венеции,

¹ FRADA, v. XIII, p. 469.

² W. Heyd. Ук. соч., т. I, стр. 303.

³ De secunda parte peregrinorum... provincia Presepe et Dodecanisus.

⁴ Chronique de Morée, ed. J. A. C. Buchon (Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIe siècle, Paris, 1860), p. 63.

⁵ W. Miller. Ук. соч., стр. 25, 90.

⁶ Laurentius de Monacis. Ук. соч., стр. 143: Quae (Insulae) sine regimine fluctuabant....

чего этот верный сын республики никогда бы не допустил, если бы Венеция имела на Киклады какое-нибудь право. Точно так же Мартин да Канале, писавший во второй половине XIII в. и знавший венецианские дела, не называет Киклад, перечисляя венецианские владения на Востоке.¹

Для доказательства нашего положения еще более важно указать на то, что в Венеции не считали островного мира Архипелага в составе владений республики, хотя большинством островов и владели венецианцы. Это видно из договора Венеции с Михаилом Палеологом от 1268 г. и его воспроизведений в последующие годы. Здесь без всяких обиняков говорится о сеньорах Киклад: „они не подчинены нам (дожу) и коммуне Венецианской“.² Между тем Венеция никогда не отказывалась от своих прав, даже самых сомнительных, — по крайней мере добровольно. Не считала Венеция сеньоров Киклад зависимыми от нее и позднее. В 30-х годах XIV в. байло Негропонта донес венецианскому сенату, что герцог Архипелага — Николо Санудо заключил перемирие с турками, не включив в трактат острова Негропонта, хотя у байло с ним была на этот счет предварительная договоренность. 27 марта 1332 г. сенат вынес решение, согласно которому признавалось, что Николо Санудо, защищая свои интересы, был прав, и сенат запретил байло Негропонта преследовать его за это.³ Около этого же времени в Венеции замышлялась война против турок (в союзе с Андроником III, орденом Тамплиеров и французским королем). В связи с этим была запрещена торговля с турками. Венецианское правительство не приказывает, а только „просит“ (*persuadendo et rogando*) Гизи, сеньоров Тиноса и Миконоса и того же Николо Санудо⁴ следовать этой политике.

Без достаточных оснований к венецианской доле (по разделу) относят иногда также Спорады и Родос.⁵ Никаких указаний в тексте договора или в каких-либо других источниках относительно передачи Спорад венецианцам не имеется. Нескóлько иначе обстоит дело с Родосом. Хотя в самом акте Родос также не относится к венецианским владениям, но Ибн-аль-Атири указывает, что Родос по разделу империи был отнесен к числу владений Венеции.⁶ Мы должны отвергнуть это известие как стоящее особняком и принадлежащее, очевидно, мало компетентному в данном вопросе автору. Эта некомпетентность отчетливо видна хотя бы из того факта, что, согласно известиям Ибн-аль-Атири, Венеция получила по акту о разделе империи и Крит, чего в действительности, как известно, не было. Если позднее, в 30-х годах, владелец острова Леон Гавала и принес ленную присягу Венеции,⁷ то это не вытекало из каких-либо прав Венеции на этот остров, а было обусловлено обстоятельствами конъюнктурного характера: Леон Гавала думал отстоять независимость своего владения от Никейской империи. Связь с Венецией была кратковременной и не имела никакого практического значения — Венеция и после этого не предъявляла притязаний на Родос, несмотря на то, что около этого же времени на него покушались генуэзцы.

¹ *La chronaca dei veneziani del maestro Martino de Canale. Archivio storico italiano*, t. VIII, Firenze, 1845, p. 340.

² FRADA, v. XIV, p. 99: *Non sunt subjectae nobis et comune Venetiarum...*

³ G. J. Brătianu. *Les véniciens dans la mer Noire au XIV-e siècle*, Bucharest, 1939, Appendix, doc. № 8, p. 44.

⁴ Там же, док. № 14, стр. 47.

⁵ Например, В. Poujol et. Ук. соч., стр. 377.

⁶ FRADA, v. XIV, p. 461: *Ducis vero Venetiarum factae sunt insulae maritimae, uti insula Creta et insula Rhodi et alia insuper...*

⁷ Там же, т. XIII, стр. 320, 321.

Все эти соображения позволяют нам еще раз¹ подчеркнуть, что венецианские владения в районе островов Эгейского моря ограничивались Негропонтом, Андросом, Эгиной и Саламином.

Район Пелопоннеса. Выше мы уже указывали на несостоятельность точки зрения тех историков, которые считают, что Пелопоннес был якобы отдан в качестве отступного забаллотированному кандидату в императоры. Акт о разделе империи совершенно определенно относит весь Пелопоннес к числу венецианских владений. В акте не только указаны „провинция Лакедемонии“, города Патрас на севере, Каловрита почти в центре и Модон на юге,¹ но перечислены и феодальные владения греческих магнатов — Вранов, Кантакузинов, членов императорской фамилии, монастыря Пантократора и других монастырей,² как территории, которые должны принадлежать Венеции. Если, тем не менее, республика овладела лишь незначительной частью этих земель, то в этом „виноваты“ не составители акта о разделе империи.

Район западного побережья Балкан и островов Ионического моря. Мы только что видели, что венецианские притязания в области островного мира Эгейды были очень скромны, — зато в Ионическом море Венеция постаралась получить право на все острова без исключения. В нашем документе названы Закинф, Кефаления, Левкада и Корфу.³ Обладание этими островами для Венеции было важно потому, что они лежат на большой морской дороге, которая вела из Адриатического моря на Восток.

Далее, по западному побережью Балкан на довольно значительную глубину от береговой полосы Ионического и Адриатического морей владения Венеции должны были, по замыслу ее уполномоченных в комиссии по разделу земель империи, идти сплошной полосой от середины северного побережья Коринфского залива до Дринополя, или Дрина. В акте был назван ряд известных городов и более мелких пунктов, конечно, с примыкающими к ним территориями: Никополь (прежний Аквиум), территории по реке Ахелою (de Achello), Кониска (de Lesconis), столица Эпирского деспотата Арта, Вонита на Артском заливе (Bagenetia, Vagenetia), округ Янины (Gianina, Janina) и Охриды (provincia Achridis), территории по реке Арбану (Arbanus) и далее — округа Диррахия и Дринополя.

В этом разделе акта несколько загадочным представляется provincia Lopardii. Мы не думаем, чтобы здесь могла идти речь о малоазийском Лопадии — это противоречило бы всему остальному содержанию раздела. Будет правильнее усматривать в этом обозначении Лепанто — древнегреческий Навпакт, который около этого времени принимает свое новое название. В этом случае помещение здесь provincia Lopardii будет совершенно естественным.

В договоре о разделе империи обращает на себя внимание тот факт, что здесь, как и в договорах Венеции с Византией XII в., совершенно не упоминаются территории Черноморья. Объяснить это ссылкой на то, что Византия фактически уже не распоряжалась на берегах „Большого моря“, нельзя, так как в других аналогичных случаях — и именно там,

¹ Haec est de parte secunda domini nostri Ducis et communis Venetiae: Provincia Lakedemonie... parva et magna pertinentia Kalobrita... Patro et Methonis...

² ... Cum omnibus suis scilicet pertinentiis de Brana, pertinentia de Catacocono et cum villis Kyre Herinis... filiae Imperatoris Kyri Alexii, cum villis de... Pantocratora et de ceteris monasteriorum sive quibusdam villis, quae sunt in ipsis... (F. Wilken. Ук. соч., т. V, прилож., стр. 4).

³ Zikinthus et Kefalinia... Leucas et Coripho... (Там же).

где затрагивались ее интересы, Венеция оговаривала свои права: для примера можно указать на острова Закинф и Кефалению, которыми Византия в это время также не владела и которые, тем не менее, Венеция включила в свою долю при разделе империи. Остается предположить, что до конца XII в. у Венеции не было сколько-нибудь значительных интересов на Черном море.

Выдвигая это положение, мы расходимся с рядом исследователей проблемы итальянской торговли на Черном море. Еще П. Медовиков полагал, что венецианцы получили по разделу несколько пунктов на берегах Понта.¹ Позднее Ф. К. Брун прямо указывал на Сугдею, Согдайю или Сурож наших летописей, как город, выговоренный для себя венецианцами во время раздела (основанием для такого суждения послужило упоминание в договоре *emborium Sagudai*). Lazu et Lastu договора он считал обозначением устьев Днестра и Буга. Юргевич в примечаниях к изданному им тексту „Устава для генуэзских колоний“ со своей стороны нашел возможным заметить, что венецианцы при разделе „не забыли упомянуть“ о Сугдее, или Суроже.²

Согласиться с такого рода суждениями невозможно. Messini нашего документа не означает, как думает П. Медовиков, Месимври: это — Месинополь, что ясно видно из разночтения акта о разделе — *Mesinopolis*.

От части своих догадок Ф. К. Брун отказался в результате полемики с В. Гейдом.³ Но и последний в свою очередь также неправильно относил интересующее нас наименование к одному из пунктов в Малой Азии, причем для обоснования своего вывода ссылался на то место из сочинения Анны Комниной, в котором идет речь о *χωρόπολιν τινὴν Ζαγυδάους*, помещаемой автором в районе Никеи.⁴ Но *emborium Sagudai* — это все-таки порт, тогда как *χωρόπολις* Анны таковым не является; кроме того, „порт Сагудай“ в нашем документе находится среди географических пунктов, расположенных на Галлиполийском полуострове.

Из доводов, которые в какой-то мере могут подтвердить мнение о наличии у венецианцев торговых интересов на Черном море, остается один: в „Слове о полку Игореве“, написанном ранее событий, которые мы здесь рассматриваем, упоминается о венецианцах в Киеве. Ф. К. Брун полагает, что они появились здесь, следуя старой большой дорогой из „варяг в греки“.⁵ У нас нет данных, которые мы могли бы противопоставить этой догадке. Стало быть, отрицая наличие у венецианцев серьезных экономических интересов в районе северного Черноморья к началу XIII в., нельзя отрицать вместе с тем некоторых торговых связей у отдельных венецианских купцов с черноморскими портами и до этого времени. Если, тем не менее, в торговых договорах Венеции с Византией в XII в. не содержится упоминаний о портах на Черном море, то это значит только, что заинтересованная в этой торговле группа венецианских купцов не была достаточно влиятельной, чтобы воздействовать в своих интересах на политику Венеции как в XII, так и в самом начале XIII в.

Мы выяснили вопрос о тех территориях, которые выговорили в свою пользу венецианцы по акту о разделе империи.

¹ П. Медовиков. Ук. соч., стр. 29, 30.

² „Записки Одесского общества истории и древностей“, т. V. Одесса, 1863, стр. 817.

³ Подр. см. В. Г. Васильевский. Рецензия на сочинение Ф. К. Бруна „Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России“. „ЖМНП“, ч. ССУІ. СПб., 1879, стр. 110—111.

⁴ Alexiadis libri Annae Comnenae, ed. Bonn, 1839, p. 314, 315.

⁵ Ф. К. Брун. О поселениях итальянцев в Газарии, М., 1872, стр. 3.

Робер де Клари, рассказав об этом разделе, сообщает, что феодалы, получив лены, отправились в свои земли и оставили там своих бальи¹. Это известие может соответствовать действительности лишь частично: на самом деле и крестоносцам, и венецианцам пришлось еще долго бороться за фактическое овладение теми территориями, которые они поделили между собой. Ход последующих событий внес в планы участников раздела такие коррективы, которые совершенно видоизменили первоначально намечавшуюся карту новой феодальной империи.

Наибольшую часть византийского „наследства“ мог реализовать, конечно, сильнейший из создателей нового государства — Венеция. Она была сильна своим флотом, без которого крестоносцам было почти невозможно реализовать свои „права“ на доставшийся им по разделу островной мир, дисциплиной и сплоченностью своей армии. И тем не менее, действительность разбила не одну мечту венецианских политиков о господстве на Востоке.

Если бы представить себе на один миг, что Венеция действительно получила все те территории, которые она обеспечила за собой по договору, то оказалось бы, что она имела в своем распоряжении широкий массив земель от берегов Далмации до самой южной оконечности Балканского полуострова — с большим количеством портовых городов и удобных морских стоянок, а в Архипелаге только отрезок от Негропонта до Дарданелл остался бы без ее промежуточных опорных пунктов. Возможно, что венецианцы рассчитывали обосноваться — и позже действительно обосновались здесь (острова этого участка были по акту о разделе отнесены преимущественно к доле императора) — иным способом. В Дарданеллах Венеция контролировала доступ в Мраморное море и, следовательно, — в Черное море. В восточной Фракии в ее руках оказался бы большой массив земель, прикрывавший Константинополь. Такие масштабы территориальных притязаний, несомненно, свидетельствуют о широком размахе экспансионистских устремлений венецианских политиков, об алчности ее правящего класса, но вместе с тем здесь налицо несомненная переоценка возможностей успешной реализации такого рода политических „дерзаний“.

Многие из этих земель никогда не входили в состав Венецианской империи, другие входили лишь на краткий срок, третьи сделались действительным достоянием республики св. Марка лишь несколько столетий спустя, и лишь сравнительно небольшой частью их Венеция действительно овладела в момент основания Латинской империи и в первые годы ее существования. Венецианские планы разошлись в этом вопросе с венецианской историей.

4. ВЕНЕЦИАНСКАЯ „ЧЕТВЕРТЬ И ПОЛЧЕТВЕРТИ ИМПЕРИИ РОМАНИИ“

Осуществление намеченной венецианцами программы земельных захватов на Востоке оказалось делом настолько сложным, что, несмотря на сравнительно благоприятную международную обстановку для Венеции в начале XIII в., она смогла реализовать лишь сравнительно незначительную часть своих притязаний.

Венеция приступила к реализации приобретенных ею территориальных прав (так же как и ее „партнеры“) сразу же после заключения акта о разделе. Она начала, естественно, с территорий, находящихся в непосредственной близости к Константинополю.

¹ Robert de Clari. Ук. соч., стр. 80.

Не позднее начала 1205 г. (возможно, даже в конце 1204 г.) венецианцы овладели Адрианополем, поставив там свой гарнизон.¹ Тогда же, вероятно, был занят Аркадиополь: по крайней мере, когда в апреле 1205 г. болгары от Адрианополя направились к Аркадиополю, то венецианский гарнизон, не будучи в состоянии отстоять города, покинул его, — следовательно, венецианцы успели занять город еще до этого времени². О Бургарофле мы не имеем таких сведений, но надо думать, что едва ли этот город, расположенный между только что названными, мог остаться не занятым венецианцами.

На берегах Пропонтиды были заняты Гераклея и Родосто,³ затем Ганос, Пактия, Галлиполи и Мадита. Георгий Акрополит, рассказывая об опустошениях болгар в 1205 и 1206 гг., называет Мадиту и Галлиполи городами, платившими дань итальянцам.⁴ Автор „Летописи великого логофета“ не называет здесь прямо венецианцев, но то обстоятельство, что он не выделяет Галлиполи и Мадиты среди других городов Пропонтиды, несомненно, находившихся в зависимости от венецианцев, позволяет сделать заключение, что Венеция успела реализовать и эту часть программы своих захватов.

Таким образом, реализация венецианцами своих „прав“ на территории, непосредственно примыкавшие к столице, на первых порах протекала вполне успешно. Однако уже в первой половине 1205 г. положение резко изменилось к худшему. Вызывающее поведение завоевателей повлекло за собою всеобщее восстание во фракийских владениях крестоносцев. Восставшие в союзе с болгарским царем едва не положили конец латинскому господству на севере Балканского полуострова в первые же месяцы после утверждения здесь латинских феодалов. Потерянные земли были возвращены при Генрихе I; Венеция восстановила свое положение в ранее приобретенных территориях. Но венецианские политики поспешили сделать практический вывод из только что полученного урока. В Венеции поняли, что защита далеких материковых владений, не представлявших для венецианских купцов к тому же и большой ценности, экономически себя не оправдывает: республика уступила Адрианополь на ленных началах Феодору Вране, одному из греческих магнатов, которого Генрих вынужден был привлечь на свою сторону, инфеодировав ему Дидимотику.⁵ Венеция оставила за собой, однако, все приморские пункты; территориальные потери она начала нести здесь позднее, в период общего распада Латинской империи.

Приведенные факты показывают, что из первой группы владений, доставшихся венецианцам по разделу, они смогли сохранить за собой на ближайшее десятилетие одно только побережье Пропонтиды и Геллеспонта. Эти владения вместе с Лампсаком, расположенным на противоположном берегу, были для них особенно важны: они гарантировали венецианцам господство на Мраморном море и в Константинополе, а также открывали свободный доступ к Черному морю; последнее обстоятельство имело немалое значение, если принять во внимание, что в это время начала быстро развиваться торговля с черноморским побережьем.

Значительно хуже для венецианцев сложилась обстановка на юге и на западном побережье Балканского полуострова, где Венеции

¹ J. Villehardouin. Ук. соч., гл. 137; D. Ernoul. Ук. соч., стр. 378, 379.

² J. Villehardouin. Ук. соч., гл. 215.

³ Там же, гл. 217, 213; D'Ernoul. Ук. соч., стр. 385.

⁴ Georgii Acropolitae Annales, p. 39.

⁵ FRADA, v. XIII, p. 18.

по разделу достались обширные территории Пелопоннеса, Акарнании, Этолии и Эпира.

Пелопоннесом им пришлось поступиться, как мы увидим далее, в пользу Бонифация Монферратского, с согласия которого здесь было образовано зависимое от него княжество Ахейское. Но Венеции все-таки нужны были опорные пункты в Пелопоннесе, так как вблизи южной оконечности полуострова пролегла морская дорога на Восток. В 1207 г. венецианский флот под начальством Р. Дандоло и Р. Премарино появился перед гаванями Модона и Корона и, встретив здесь слабое сопротивление со стороны гарнизонов княжества Ахейского, овладел названными портами.¹ Этими *osculi principales communis Venetiae* республика владела несколько столетий.

Еще менее благоприятной для осуществления венецианских территориальных притязаний оказалась ситуация на восточном побережье Ионического моря и Адриатики. Возникновение сильного Эпирского деспотата превратило договор о разделе — в этой его части — в простой клочок пергамента. Еще во время похода Бонифация Монферратского, который он предпринял летом 1204 г. с целью овладения „своими“ землями, Михаил Ангел, действовавший первоначально совместно с Бонифацием, овладел Никополем и Артой (находившимися под управлением византийского наместника) и положил начало Эпирскому независимому княжеству. Михаил захватил все побережье от Коринфского залива до Сербии, за исключением Драча, в котором летом 1205 г. обосновались, хотя и очень ненадолго, венецианцы. В 1215 г. брат и преемник Михаила Ангела — Феодор, расширяя владения деспотата в направлении Фессалии и Пелопоннеса, овладел и Драчем.² При этих условиях ровно никакого значения не имело то обстоятельство, что Венеции на короткое время удалось было поставить от себя в ленную зависимость владыку Эпира.³

Не был закреплен в руках венецианцев в XIII в. также ни один из островов Ионического моря, хотя они и приложили к этому делу значительные усилия.

Остров Корфу в тот момент, когда венецианские уполномоченные подписывали акт о разделе империи, находился в руках генуэзского пирата Ветрано, который сделал это приобретение не без поддержки своих соотечественников. Упомянутая выше экспедиция Р. Дандоло и Р. Премарино должна была, между прочим, реализовать „права“ венецианцев (по разделу) и на Корфу. Венецианский флот в 1206 г. справился с этой задачей вполне успешно: остров был захвачен, Ветрано взят в плен и повешен, но торжество Венеции было непродолжительным, хотя венецианцы и поспешили поселить на острове своих колонистов.⁴ Быстро возросшая мощь Эпирского деспотата лишила их этого владения: в самом начале своего правления Феодор Ангел вырвал из рук венецианцев эту добычу — и надолго: Венеция не могла здесь осуществить своих „прав“ в течение двух столетий.

Кефаления и Занте, равно как и Итака, еще до четвертого крестового похода сделались собственностью апулийской фамилии Орсини.⁵ В тот момент, когда корабли Дандоло и Премарино показались у берегов островов, граф-палатин этой островной группы, опасаясь под-

¹ M. Sanuto. *Vite dei duchi di Venezia*, ed. Muratori, SS., v. XXII, col. 565.

² Gregorii Acropolitae *Annales*, p. 28.

³ FRADA, v. XII, p. 119—122.

⁴ Там же, стр. 57, 58.

⁵ Andreae Danduli *Chronicon*, ed. cit., col. 336.

вергнуться участи владельца Корфу, признал себя, повидимому, вассалом республики, но не надолго. В ближайшие годы осторожному графу Кефалении и Занте пришлось признать себя ленником князя Ахейского, сильнейшего из феодалов Латинской империи. Только во второй половине XV в. эти острова были присоединены к колониальным владениям Венеции.¹

Судьба четвертого большого острова Ионического моря — Левкады, или С.-Мауры, как он именовался в это время, была аналогична судьбе Корфу, с той лишь разницей, что венецианцы не владели им и тех десяти лет, в течение которых они держали в своих руках Корфу. „Виновником“ нарушения их „прав“ явился все тот же Феодор Ангел, деспот Эпира.

Несколько более удачно для венецианцев сложились их дела на островах Архипелага.

По разделу Венеция получила два важных пункта на острове Эвбее — города Ореос и Каристос, обладание которыми означало господство и над всем этим островом. Почти наверное можно сказать, что здесь, как и на Пелопоннесе, Венеция уступила свои владения Бонифацию Монферратскому; иначе трудно было бы объяснить, каким образом Бонифаций вскоре после раздела мог самостоятельно распоряжаться островом, не встречая никаких претензий со стороны венецианцев: это было бы совершенно невозможно, если бы они видели в его действиях нарушение своих прав. Не позднее первой половины 1205 г. Бонифаций Монферратский направил на Эвбею, или Негропонт, небольшой отряд под начальством Жака д'Авена. Вскоре остров перешел к Равано делья Корчери — выходцу из Вероны, который завершил его подчинение. После смерти Бонифация (1207 г.) Венеция предъявила свои права сеньеру Негропонта; она добилась того, что Равано признал себя вассалом республики св. Марка.² Ломбардцы, хозяйничавшие (во главе с графом Бландра) в Солунском королевстве во время малолетства наследника Бонифация, безуспешно хлопотали у императора Генриха о признании острова за Солунским королевством³ (наши источники не дают возможности установить, в какой мере этот отказ был делом венецианцев). После смерти Равано (1216 г.) венецианцы разделили остров на несколько ленов, и венецианский байло на острове умело направлял развитие торговых факторий Венеции в городах Эвбеи.⁴

Разнообразные затруднения, которые должны были испытать венецианцы при практическом осуществлении своих прав на полученные по договору о разделе земли, путаница, порожденная вторжением в области раздела посторонних лиц, сопротивление греческой знати в различных частях империи, перемешавшее все карты участников раздела, — все это побуждало Венецию изыскивать иные пути расширения сферы своего влияния на территории Латинской империи. Наиболее подходящим районом для этой цели были острова Архипелага. Как мы видели, по разделу венецианцам достался здесь только один Андрос (если не считать островов в Сароническом заливе и Эвбеи), основная же масса Киклад составила долю крестоносцев. Последние, однако,

¹ W. Miller. Greece and the Aegean under Frank and Venetian domination (1204—1571), в кн. „The Cambridge Medieval History“, v. IV, Cambridge, 1927, p. 465 сл.

² FRADA, v. XIII, p. 90 ss.

³ Continuation de l'histoire de Villehardouin, d'après les mémoires de Henri de Valenciennes. „Nouvelle collection de mémoires pour servir à l'histoire de France“, éd. J. Michaud, t. I, Paris, 1836, p. 137.

⁴ FRADA, v. XIII, p. 97, 98.

не располагали морскими силами, которые были необходимы для освоения этих владений, и именно это обстоятельство открывало перед венецианскими политиками значительные возможности для распространения влияния Венеции и на этот островной мир.

Прямой, „организованный“ захват в данном случае был неудобен по многим причинам, но его можно было осуществить в порядке „частной инициативы“. В 1207 г. в Венеции было постановлено, что каждый гражданин республики, снарядив экспедицию за свой собственный счет, может овладеть любым островом Эгейды, или любым прибрежным пунктом, не успевшим стать чьим-либо ленным владением.¹ Немедленно вслед за тем развернулась лихорадочная захватническая деятельность венецианских конкистадоров, по своему размаху вышедшая далеко за пределы тех земель, которыми по „праву“ могла распоряжаться Венецианская республика.

Наиболее удачливым захватчиком оказался Марко Санудо с „товарищами“ (*cum suis sequaciis*), который овладел Наксосом, Паросом, Мелосом, Косом, Китносом и некоторыми другими островами. В числе „товарищей“ Марка Санудо мы видим не одних только нобилей, встречаются и имена рядовых купцов — Скъяви, Каstellи, Беваццани и др.² Братья Гизи — Андреа и Джеремиа — обосновались на Скиросе, Теносе, Миконосе, Скиатосе, Скопелосе.³ Другая знатная фамилия — Квирины — утвердилась на островах Стамплии и Аморгосе. Впрочем, два других отпрыска этой фамилии тогда же появились вместе с Сакугулло в Лампсаке в качестве сеньеров этого города.⁴ Веньеро и Виаро получили в качестве феонов небольшие острова Черигио и Чериготто (Китиру и Антикитиру). М. Дандоло и Д. Виаджо „захватывают и сильно укрепляют“ Галлиполи.⁵ Другой представитель фамилии Дандоло прибрал к своим рукам Андрос. Пьетро Джустиниани и Доменико Микьеле захватили Кеос и Сирифос. Леонардо Фосколо стал сеньером Намфио, или Анафе, Якопо Баронци овладел Ферой, или Санториниом и Ферасией, наконец, Филоколо Навигайози обосновался на Лемносе.⁶

Так как предприимчивые венецианские нобили захватили в основном не венецианские территории, то они принесли ленную присягу за эти владения императору. Некоторые при этом получили пышные титулы византийской табели о рангах: Навигайози, например, стал мегадукой империи, т. е. главным адмиралом флота, — пока, правда, еще не существовавшего.

Многие из новых феодальных владельцев продолжали жить в Венеции, находились на службе у республики, занимая иногда довольно видные посты; но по своим островным владениям они были совершенно независимыми от родного города. Таковыми, как мы уже видели, считало их и венецианское правительство. Таким образом, весь этот островной мир принадлежал венецианцам, но не Венецианской республике.

Это, впрочем, не мешало Венеции извлекать из положения ее нобилей в Архипелаге известные выгоды: их господство здесь облегчало

¹ *Andreae Danduli Chronicon*, ed. eit., col. 334; *Laurentius de Monacis*. Ук. соч., стр. 143.

² K. Hopf. *Veneto-byzantinische Analekten* („Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften“, Bd. 32, Wien, 1859, S. 140).

³ W. Miller. *The latins in the Levant*, p. 44.

⁴ *FRADA*, v. XIII, p. 209.

⁵ *Andreae Danduli Chronicon*, col. 334.

⁶ K. Hopf. Ук. соч., стр. 20, 134.

борьбу с пиратами, создавало целый ряд удобных корабельных стоянок, где можно было укрыться от „людей и моря“, т. е. от морских бурь и разбоев; отсюда иногда можно было получить и военную поддержку. Этим объясняется выявившееся позднее стремление Адриатической республики выговаривать у возродившейся Византийской империи некоторые льготы для венецианских нобилей — владельцев островов, аналогичные тем, какими пользовалась она сама; выговаривая эти льготы, Венеция, однако, отказывалась нести ответственность за действия своих нобилей в Архипелаге.¹

Наиболее значительным и прочным приобретением Венеции, сделанным в результате четвертого крестового похода, был, несомненно, остров Крит: крылатый лев св. Марка несколько столетий цепко держал эту богатую колонию в своих когтях.

Добиваясь овладения Критом, венецианцы проявили большую дальновидность и с первых же шагов повели тонкую дипломатическую игру. Мы уже видели, что они постарались закрепить право на этот остров за тем из кандидатов на императорский трон, который оказался бы забаллотированным. Венецианские политики учитывали, что ни Бонифаций, ни Балдуин не будут в состоянии овладеть островом, так как они не располагали флотом, необходимым для этой цели. Это сулило Венеции возможность увеличить свою долю, полученную при разделе, за счет Крита — весьма важного для нее владения: остров был плодороден и представлял собою не только очень выгодную стоянку для судов, отправлявшихся на Восток, но и удобный пункт для наблюдения за морским путем, ведущим в страны Леванта.

Вероятно, вскоре после выборов императора начались переговоры Венеции с Бонифацием относительно покупки у него Крита (мнение о том, что маркиз предложил сначала остров генуэзцам,² ни на чем не основано). В августе 1204 г. Венеция достигла своей цели. Сохранившаяся запродажная грамота показывает, что предметом сделки был не только интересовавший венецианцев остров, но и фантастические сто тысяч перперов, обещанных будто бы Бонифацию императором Алексеем, из мнимого дарения которых маркиз выводил и свои права на Крит.³

За уступку всех этих „прав“ Венеция обязалась уплатить Бонифацию тысячу марок серебра и передать в его распоряжение столько земель в западной части империи, сколько было необходимо для обеспечения Бонифацию ежегодного дохода в 10 тыс. перперов.⁴ (Только этим обязательством Венеции можно объяснить тот факт, что она равнодушно отнеслась к захвату Пелопоннеса, доставшегося ей по разделу, Шамплитом и Виллардуэном, а Эвбеи — вассалом Бонифация Жаком д'Авеном). Лишь после смерти Бонифация венецианцы решили заняться возвращением уступленных „прав“ и добились реализации их в довольно значительных размерах на Эвбее и частично на Пелопоннесе. Маркиз в числе принятых им по сделке обязательств дал обещание всемерно содействовать покупателям в деле фактического овладения проданным имуществом, впрочем, это обязательство не имело никакого практического значения.

Из всего этого видно, что венецианцы приложили все усилия к тому, чтобы сделать свои права на Крит юридически безупречными; но и

¹ FRADA, v. XIV, p. 99, 146.

² M. G. Canale. Nuova historia della repubblica di Genova, v. II, Firenze, 1858, p. 12.

³ См. выше, стр. 160.

⁴ FRADA, v. XIII, p. 513.

это не спасло их от многих затруднений, которые пришлось преодолеть прежде, чем удалось прочно обосноваться на острове.

Наибольшее количество забот на первых порах доставили венецианцам генуэзцы, ревниво взиравшие на успехи своего конкурента. Поддерживая Ветрано, Генуя пыталась создать определенные трудности для республики св. Марка уже при овладении Корфу. Венецианский флот легко разбил эти интриги. Значительно более сложным оказалось преодоление генуэзских притязаний на Крит.

В 1206 г. здесь появился мальтийский граф Энрико Пескаторе с намерением оспаривать у Венеции совершенную ею покупку. „Генуэзские Анналы“ довольно подробно освещают деятельность этого авантюриста в восточных водах Средиземноморья. В 1205 г. с двумя галерами и одним большим кораблем он выступил под Сиракузы для борьбы с пизанцами на стороне Генуи, а затем отправился в каперский рейд на Восток. У берегов южной Греции он встретил два венецианских торговых корабля: один из них был захвачен графом-пиратом, а другой потопили сами венецианцы. Далее Пескаторе направился к берегам Сирии, где оказал некоторые услуги графу Триполи в его борьбе с турками, за что тот подтвердил различные права и привилегии генуэзцев в своих владениях. В Генуе по этому случаю „все были преисполнены великой радостью и весельем“.¹ Наконец, после нескольких новых разбойничьих подвигов, „достойный уважения и победоносный граф Мальты, — повествуют анналы, — с кораблями, галерами... и другими вооруженными и быстроходными судами появился на Крите и с бою овладел им, отняв у венецианцев; он сделался властителем острова, держал его в своих руках и получил с его жителей дань...“² Упомянувшаяся уже выше экспедиция Дандоло и Премарино, покончив с делами в Ионическом море и на Пелопоннесе, явилась на Крит для того, чтобы положить конец успехам предприимчивого мальтийского феодала. В 1207 г. началась борьба между венецианцами и генуэзским эмиссаром. В следующем году его дела на острове стали совсем плохи; он отправил в Геную посланцев с мольбою о „совете и помощи“.³ Генуэзцы поспешили откликнуться на этот призыв и послали в поддержку Энрико Пескаторе корабли, людей и коней. В происшедших затем стычках венецианцы понесли значительный урон (погиб и сам Райнерио Дандоло, сын знаменитого Энрико Дандоло). Венецианские силы были явно недостаточны для успешного завершения борьбы на острове, которая угрожала перерасти в большую войну с Лигурийской республикой.

Генуэзцы, заключив к этому времени мир с Пизой, считали возможным померяться силами и с более могущественным противником. Когда в 1210 г. Энрико Пескаторе лично явился в Геную за подкреплениями, генуэзское правительство дало ему восемь галер, два корабля, 100 лошадей и такое количество продовольствия и снаряжения, что для покрытия его стоимости пришлось ввести специальный налог.⁴ Впрочем, генуэзцы попытались сначала уладить дело миром: было выдвинуто предложение о совместном владении островом Пескаторе и республикой св. Марка. Естественно, что венецианцы не хотели и слышать

¹ *Annales Januenses. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*, t. XVIII, p. 125: *Omnes ingenti gaudio et letitia repleti fuere...*

² *Annales Januenses. MGHSS*, p. 125.

³ Там же, стр. 127: *Postulans et implorans consiliur et auxillium...*

⁴ Там же, стр. 129.

об этом — „их нельзя было успокоить никакими доводами“.¹ Вот тогда-то Пескаторе и получил нужные ему силы и средства. Внимание Генуи, однако, было отвлечено в следующем году начавшейся войной с Марселем, вследствие чего с Венецией надо было заключить хотя бы перемирие. Перемирие было заключено сроком на три года, причем Энрико Пескаторе должен был расстаться со своими мечтами о Крите, а Генуя обязалась возместить венецианцам стоимость ценностей, захваченных во время войны на одном из их кораблей.²

За годы перемирия Венеция постаралась закрепить свое положение на Крите, направив туда еще в 1211 г. первых военных колонистов.³

Это мероприятие имело целью, однако, не столько борьбу с генуэзцами, сколько борьбу с местным населением, которому венецианская оккупация острова несла порабощение со стороны иноземных и иноверных феодалов. Борьба эта вспыхнула тотчас же, как только появились там венецианцы. Есть основание полагать, что Райнерио Дандоло погиб на Крите не от генуэзского, а именно от повстанческого оружия. Эта борьба была главным предметом забот венецианского правительства и венецианской администрации острова в течение длинного ряда десятилетий.

Движение местного населения, поскольку оно носило характер классовой борьбы против иноземных поработителей, не могло не быть враждебным также и генуэзским феодалам. Главным образом по этой причине борьба венецианцев с генуэзцами, возобновившаяся тотчас же, как только истек срок трехлетнего перемирия, протекала уже за пределами Крита. Венецианцы теперь получили возможность перейти в наступление: в 1215 г. вместе с пизанцами, провансальцами и анконитанцами они организовали крейсерскую операцию в районе Сицилии, захватив несколько генуэзских кораблей.⁴ После этого борьба продолжалась еще некоторое время; она складывалась для Генуи в общем неблагоприятно. В начале 1218 г. по инициативе Генуи начались переговоры, которые привели к заключению мира сроком на десять лет.⁵

Из всего этого видно, что Венеция в ближайшие годы после четвертого крестового похода смогла реализовать сравнительно небольшую часть своей обширной программы территориальных приобретений в пределах Византийской империи, которая была намечена актом о ее разделе.

Во Фракии ей пришлось ограничиться только узкой прибрежной полосой Пропонтиды с городами Гераклеей, Родосто, Панизо и Ганос. В Херсонесе Фракийском Венеция удержала за собою Пактию, Галлиполи и Мадиту. Некоторое время в ее руках находился Лампсак на азиатском берегу Пропонтиды. В вассальной зависимости от нее с 1209 г. находилась Эвбея. Республика твердо держала в своих руках гавани Корона и Модона с небольшими прилегающими к ним территориями. Остров Крит возмещал потери, понесенные венецианцами на островах Ионического моря и в западной части Балканского полуострова — на побережье Этолии, Акарнании и Эпира. Выходцы из Венеции владели большей частью островного мира Архипелага, Кикладами и северными Спорадами, но они были вассалами не республики св. Марка, а императора Латинской империи или князя Ахейского.

¹ Veneti ulla ratione acquiescere vellent.

² Annales Januenses, p. 132.

³ FRADA, v. XVIII, p. 130 ss.

⁴ Annales Januenses, p. 136; Martin da Canale. Ук. соч., стр. 352.

⁵ Annales Januenses, p. 137 ss.; Martin da Canale. Ук. соч., стр. 352—354.

Таково было положение венецианских владений на территории Византийской империи около 1216 г. Само собою разумеется, что Венеция полностью использовала свои права на территорию в столице империи, где в ее руках оказались теперь все важнейшие причалы великого города, тянувшиеся по побережью как Золотого Рога, так и Босфора. Нет сомнения также и в том, что она усиленно насаждала свои фактории во всех важнейших торговых городах и портах империи, независимо от того, были ли они ленами императора или его вассалов. И тем не менее, подробный обзор территорий, вошедших в состав венецианских владений после четвертого крестового похода, показывает, что размеры этих владений так же мало соответствовали пышному титулу дождей, который они носили, начиная с Энрико Дандоло, — „властитель четверти и полчетверти Византийской империи“, — как и принятый ими ранее титул „герцогов Далмации и Хорватии“.

Приложение: картографическое состояние вопроса

Наблюдения над документами, результаты которых были изложены выше, дают возможность представить полученные нами выводы на географической карте, изображающей, с одной стороны, владения Венеции, какими они должны были бы быть (согласно намерениям участников раздела Византийской империи) (карта № 1), с другой, — какими они оказались в действительности (карта № 2).

Необходимость составления такого рода карт особенно велика потому, что те карты, которые вплоть до настоящего времени находят практическое применение как в научных трудах, так и в высшей и средней школе, страдают — правда, в различной степени, но, тем не менее, все без исключения — более или менее существенными недостатками. Уместно поэтому, прежде чем предложить читателю составленные нами карты, сделать несколько критических замечаний по поводу карт, помещенных в ряде старых исторических атласов (К. Менке-Шпрунера, Г. Дройзена, Ф. Шрадера), в „Кембриджской средневековой истории“, в „Истории Византии“ Ф. И. Успенского, а также карт, применяющихся в качестве наглядного пособия в нашей советской школе.

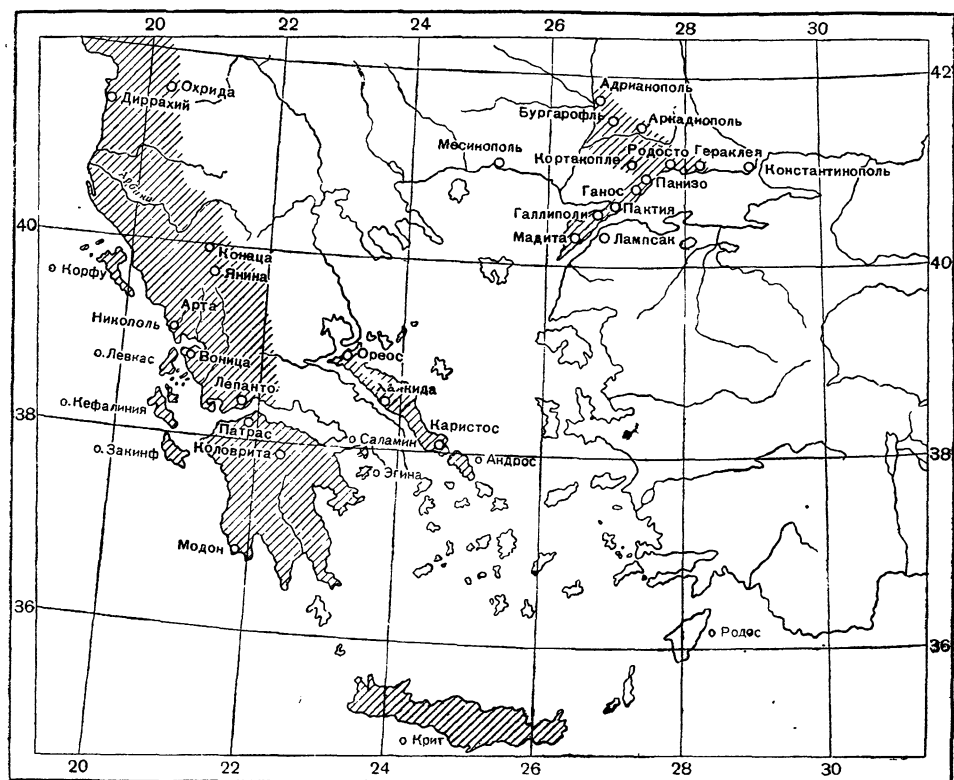
Самой старой из числа намеченных к рассмотрению, но отнюдь не самой плохой картой Латинской империи и венецианских владений на Востоке в период ее существования является карта, помещенная в атласе Менке-Шпрунера¹ (этим атласом пользовался еще Энгельс²). Составитель карты совершенно правильно относил владения венецианских нобилей в островном мире Архипелага к составу Латинской империи; правильно также ряд пунктов по берегам Пропонтиды отнесен к числу владений Венеции; карта не расходится с фактическим положением дела и в том отношении, что Ионические острова не включены в состав венецианских владений. Несмотря на все это, карта нуждается в некоторых исправлениях.

Составитель карты, изображая венецианские владения, ошибочно, по одному только звуковому сходству, отнес к малоазийскому Лопадии (в районе южного побережья Пропонтиды) *Lopadium* акта о разделе: мы указывали выше причины, почему этого не следует делать.

¹ K. Menke-Spruner. Hand-Atlas über die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit, Gotha, 1880.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 428.

В то же самое время Лампсак, совершенно бесспорно являвшийся частью фактических венецианских владений, не показан в их составе. Нельзя согласиться также и с тем, что Мадита (на южной оконечности Фракийского Херсонеса) лежала вне венецианских владений: это противоречит, как мы видели, прямому свидетельству Георгия Акрополита. Составитель карты в данном случае повторяет ошибку К. Гопфа.¹

Владения Венеции по акту о разделе империи в 1204 г. (заштриховано)

Карта, помещенная в атласе Г. Дройзена („Средиземноморские земли после четвертого крестового похода“²), значительно слабее только что рассмотренной. Хотя и здесь Киклады, как и Ионические острова, правильно не включены в состав венецианских владений, но составитель карты оставил вне пределов венецианской колониальной империи также и Негропонт, которым Венеция владела непрерывно в течение нескольких столетий (с 1209 г.); на берегах Мраморного моря не показано никаких венецианских владений, тогда как Венеция утратила их лишь постепенно, в период разложения Латинской и усиления Никейской империи.

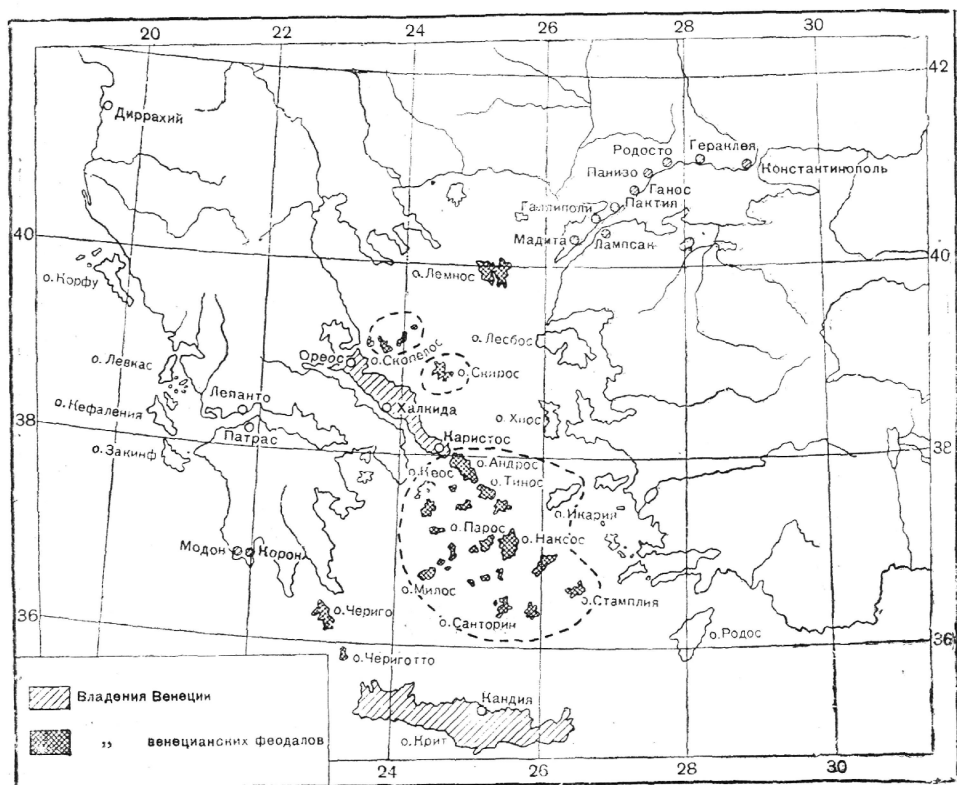
Более новый французский атлас Ф. Шрадера дает интересующую нас карту под названием: „Латинская Константинопольская империя“.³ Составитель ее, Огюст Лоньон, правда, не особенно близко знаком с делом, поскольку мартовский договор 1204 г. и акт о разделе

¹ К. Hopf. Geschichte Griechenlands im Mittelalter, S. 207.

² G. Droyzen. Allgemeiner historischer Hand-Atlas, Bielefeld—Leipzig, 1886, № 74.

³ F. Schrader. Atlas de géographie historique, Paris, 1911, № 24.

считает за один документ (см. сопроводительный текст карты на ее обороте), тем не менее доля венецианцев по разделу указана им более или менее правильно. Этого отнюдь нельзя сказать о его суждениях относительно фактических владений Венеции. О. Лоньон заявляет, например: „Прибавим, что неизвестно, овладели ли венецианцы снова Родосто, Аркадиополе и Гераклеей, подвергшихся нашествию болгар в 1206 г.“ Ясно, что автор не знал о существовании бесспорных данных относительно того, что Родосто и Гераклея, как и ряд других пунктов по Мраморному морю, принадлежали венецианцам и после

Владения Венеции и венецианских феодалов к 1216 г.

1206 г. При такой осведомленности О. Лоньона в вопросе, который он должен был оформить картографически, не приходится удивляться тому, что к венецианским владениям на Востоке отнесен только один Крит.

Несколько более совершенной является карта географического атласа, приложенного к „Кембрижской средневековой истории“.¹ Достоинством этой карты является, между прочим, то, что она фиксирует положение вещей так, как оно сложилось к вполне определенному моменту, именно к 1214 г. (встречающиеся в практике составления исторических карт попытки придать географической карте несвойственный ей динамизм нередко приводят к недоразумениям).

¹ The Cambridge Medieval History. Volume of maps, Cambridge, 1936, № 43.

Составителю карты может быть поставлено в упрек, однако, следующее: во-первых, все итальянские владения, в том числе и венецианцев, объединены, вследствие чего читающему карту надо предварительно знать, что Закинф и Кефаления принадлежали Орсини, вассалам князя Ахейского, чтобы не счесть их за владения Венеции; во-вторых, на карте игнорируются владения венецианцев на берегах Пропонтиды и Геллеспонта.

Новейшими картами, относящимися к интересующему нас вопросу и изданными в нашей стране, являются карты, помещенные в III томе „Истории Византийской империи“ Ф. И. Успенского,¹ и школьные карты по истории крестовых походов.

В книге Ф. И. Успенского венецианские владения после четвертого крестового похода представлены на карте, озаглавленной: „Балканские государства в первой половине XIII в.“¹ В числе венецианских владений на карте Ф. И. Успенского неправильно показаны Родос, Закинф и Кефаления. Владения венецианских феодалов, ленников Латинской империи, включены в состав венецианской империи. Совершенно правильно в составе венецианских владений указаны Гераклея, Родосто, Галлиполи, но без всяких оснований исключен Лампсак.² Если признать правильным исключение из состава венецианских владений Корфу, как это сделано на карте, — а это правильно, — то не следовало включать в их состав также и Драча.

Наши школьные карты по замыслу составителей должны отображать политическую ситуацию, сложившуюся в юго-восточной Европе в результате четвертого крестового похода.

В карте, изданной Главным управлением геодезии и картографии в 1939 г., имеются следующие ошибки: во-первых, неправильно отнесены к венецианским владениям Ионические острова; во-вторых, неправильно исключены из состава Латинской империи Киклады и северные Спорады; в-третьих, неправильно исключены из состава венецианской колониальной империи Негропонт и владения на Пропонтиде; наконец, ничем не оправдано отнесение к составу венецианских владений Родоса. Все эти ошибки повторены и в вышедшем недавно новом издании карты.

В предлагаемых ниже картах автор стремился исправить ошибки, допущенные ранее в исторической картографии вопроса, поставленного в настоящей работе.

При составлении карт мы руководствовались следующими двумя соображениями: во-первых, мы не стремились педантически загромождать карты мало вразумительными географическими наименованиями, в правильности помещения которых на карте не может быть уверенности; во-вторых, карту действительных владений Венеции мы считали возможным и более или менее правильным дать только на определенную дату. В качестве такой даты был избран 1216 года, когда венецианские владения на землях Византийской империи оказались в состоянии относительной стабилизации.

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М. — Л., 1948, стр. 352—353.

² Это обстоятельство вызывает тем большее недоумение, что, как известно, Ф. И. Успенскому принадлежит работа, посвященная Лампсаку как венецианскому владению („Следы писцовых книг в Византии“. ЖМНП, 1884, № 1, 2).